

АНДРЕЙ ПРОНЧИК: "ГОМЕРИКОН" — ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУШИ, А НЕ ТО, ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ...

ВЗГЛЯД

Все как в старом анекдоте:

Сидит мужик перед телевизором, смотрит прогноз погоды:

— В Крыму — плюс десять, в Тюмени — минус пятнадцать, на Чукотке — минус сорок, ну а в Москве — ноль.

Мужик: "Ну и бардак в стране!..."

ПРОНЧИКА я не видела года полтора. На боковых брифингах, фуршетах и прочих тусовках его было не застать.

И вот в очередной раз включаю телеящик. А там — Андрюша СЕМЕНОВ. В напудренном, наглаженном мне было трудно узнать "московско-комсомольского Скорцени", известного своими похождениями: кабак на уши поставить, мимолетной заметкой собрать толпу обманутых вкладчиков.

Что с людьми время делает! Весь напудрен, наглажен. Прямо оторопь берет — до чего солидный. Был газетчиком сорви-головой, стал чуть ли не "новым русским".

Отчего люди так сильно меняются? Неужели и этот туда же — "за полтумана по рублю"?

Ведь как было — СПИДОМ болел, картошкой-капустой на базаре торговал.

Нашим ведь парнем был, а теперь на все разговоры от силы час отвесил. Ну что ж, держись, "акула телекамеры"!

Субботние и воскресные "бардаки" на телеканале "2x2" происходят утром. В 8.45 в эфире — авторская телепрограмма "Московский Гомерикон".

Ее автор и ведущий тележурналист Андрей Прончик (он же экс-Семенов, что впрочем и понятно — раздвоение личности характерно для "близнецов") полагает, что "Гомерикон" — это именно то, что с нами происходит. Это состояние души каждого пост-советянина, к коим и себя причисляет.

Его телепрограмма состоит из современных мини-анекдотов "а-ля Зошенко", с которых, как известно, начинают все великие и которыми заканчивают все неудачники.

— Посмотришь твою программу — диву даешься. Как будто вся жизнь состоит сплошь из баек, а вокруг живут одни авантюристы.

— Это смотря что под байкой понимать.

Вот, к примеру, жила-была семья Колиновских. Он — инженер, она — инженер. Работали в одном НИИ. Работать не работали, но зарплату получали исправно. Пока рынок не пришел. Зарплаты сразу не стало. Их коллеги собрались идти бить к Белому дому, требовать льгот, надбавок, угрожать чего-то там рвануть.

А наши герои смикнули, что себестоимость транспарантов гораздо выше прожиточного минимума и пошли себе этот минимум добывать. Вышли на набережную Яузы и стали мыть машины. Через три месяца гарнитур в квартиру купили. Через два года — квартиру поменяли. Четыре года спустя они уже не моют машины, моют другие. Наши же бывшие инженеры руководят этими "другими".

Ну а их коллеги помитинговали-помитинговали и разошлись. Пять лет обещанного на митинге ждут. Авантюра лежит в основе любого начинания.

— Значит, ты тоже авантюрист?

— В каком-то смысле — да, скажу тебе как художник художнику!

С одной стороны только авантюрист сегодня на нынешнем телевидении может самостоятельно заниматься тележурналистикой и при этом не пичкать зрителя "заказухой". Тележурналистика сегодня многим "профессионалам" от телеэкрана кажется "галеркой".

От телеэкзерсисов репортера А. Прончика любой директор на уши встанет. Финансы поют романсы устами Игоря Панарина.

За год встречался с кучей "независимых" продюсеров, от которых ни черта не зависит. Большинство верит в некую американскую сказку. Получил эфир, стал популярным и узнаваемым, обрушился на голову поток денег. Те, кто пошустрее, просто спекулируют явной и скрытой рекламой. Остальные — ждут проходящего поезда, но вскочить на подножку, как правило, удается лишь единицам.

Год назад мы решили делать настоящие "народные новости". Рынок новостей, надо сказать, весьма монополизирован. Мы сняли "пилотную" программу, начали звонить руководству телеканалов. Руководство общалось с нами только "по факсу". Одни отвечали, что после трансляции того, чего мы "натворили", канал закроют, другие — у нас уже есть телепрограммы в "вашем стиле".

То, что "телебоссы" говорили о своих программах как о телепрограммах "в нашем стиле", уже грело душу. На самом деле никаких "народных новостей" до нас не было. Сидели в телезрительном отключенные дяди и тети и интеллигентным языком объясняли "электорату", как надо жить.

А зрителю нужен рецепт — как надо выжить. Нужна рубашка телегероя, которую он примерит на себя и получит импульс к действию. Ему же с экрана извиняются: "Сегодня мы вам не расскажем о том, что..." или "Сегодня мы вам не расскажем, как так..."

— Поэтому ты и оказался на "галерке"?

— Уже в августе программу смотрело только в Москве 750.000 зрителей. Программа стала лидером канала. И нас не закрыли. Нас смотрели в России и СНГ, заваливали письмами и звонками. В нас поверили и нас приняли.

Просто руководство "2x2" год назад уступило нашей одержимости, предупредив нас о том, что программы рождаются и умирают, а долги остаются. И долги превращаются в проблемы.

— Ты что имеешь ввиду?

— Это когда есть "драйв", но нет средств. Ведь в принципе в жизни есть всего два неразрешимых вопроса — откуда берутся клопы и куда деваются деньги?

При всей нашей гениальности, одаренности, опыте нас надули форменным образом — впарили в аренду телекамеру по сумасшедшей для ТВ цене и навесили монтажные часы по цене часов "Ролекс". Учтивая, что мы работали "с колес", некогда было осмотреться по сторонам.

Программу начали снимать в январе, деньги закончились в мае. Хозяин телевизионной аппаратуры, некогда принадлежавшей то ли бывшему "Минтяжпрому", то ли нынешнему "Транс-всех-Маш-экспорту", устроил нам форменную каторгу. Вызвал каких-то бичей в золотых цепях и стал нам угрожать расправой. Мы, мол, ему задолжали и он, дескать, потерял клиентов. Начались "разборки", прямо сказать, далекие от телевизионных каналов.

Мы тоже не лыком были шиты. У меня, режиссера, редактора программы, большой опыт "творческой работы". Отбились, надо сказать.

Ну, это в принципе ситуация, на телевидении весьма распространенная. Многие телеведущие, авторы программ, продюсеры берут кредиты под аппаратуру, оплату эфира, студий. Принято верить в сказку о "ее величестве удаче".

Мы-то свои проблемы разбирали в мае. А в июне порядком отделили моего приятеля. Он сейчас популярное шоу на ОРТ ведет. Взял сто тысяч долларов "под проект". Думал вернуть деньги от продажи рекламы. Прогорел. Отделался сломанными ребрами и квартирой.

На экране-то все красиво. А в жизни — мыкается по чужим углам.

— О ком это ты? Хотя бы намекнул?

— Я не Сададьский. Скажу, что благополучно только у тех, кто во время раздела имущества (под видом акционирования телеканалов) сумел сдемократить то, что не скомуниздили до него.

Молодым-то у нас везде дорога, а старикам, как говорится, — почет и уважение. Рейтинг им не нужен. Их основа — снобизм к зрителю и "крутое" влияние на канал. Влияние — бабки. Эфирная минута стоит 700 долларов. Продается за 15.000, как рекламная. Реклама поделена. Конкурентов отмечают.

— Если так, то уместно возразить: для того чтобы в такой ситуации иметь какие-либо творческие планы, надо обладать либо большой "лапой" волосатого дяди, либо миллионным состоянием. У тебя, как известно, ни того, ни другого. Ты — улич-ный журналист. Тут либо тридцать серебряников надо отработать, либо тебе уготована участь "мальчика" для спонсора.

— Глаза боятся — руки делают. Сегодня, как и прежде, все решают кадры. Наша команда, творившая по

методу проб и ошибок, претерпела сильные изменения. Мы отказались от лишней лести, мыслящих категориями Феллини, и стали работать жестко и профессионально. Если оператору нужно снять белую ворону, сидящую на кокосовой пальме где-нибудь в Урюпинске, что под Воркутой, — он едет, снимает и привозит пленку. Наш оператор не разводит слюни по поводу того, что ворона улетела, пальму спилили, а город переименовали. Одним словом, билетов до Урюпинска в кассах не было. Режиссер мне не объясняет, что микроплан проскочил на экране из-за того, что у него болят зубы, а ассистент не теряет кассеты в оправдание маленькой зарплаты.

Что касается приглубленного "спонсором" "мальчика", то я ответственно заявляю: я действительно являюсь "секс-меньшинством"! Отклоняюсь от общепринятой "теленормы" в пользу баб.

А так, беда — метр девяносто во мне, мужики проходу не дают. Особенно те, кому за сорок. Богема, одним словом. Все шоколадки суют и мартини предлагают. Уж лучше бы деньги!

А я пью только водку. Да и женился вот недавно. В третий раз. Сыну от второго брака четыре года.

Что касаемо "Гомерикона", так я только спустя год усек, что под этим словом сатира понимается только "во-вторых", а в первую очередь то, за что еще несколько лет назад сажали, как за извращение. Ну, у нас сейчас все перевернуто. Стоит ли удивляться?

— А женщины допускаются к святой святынь Прончика "Московскому Гомерикону"?

— Я циничный реалист. Если готова работать по десять часов без выходных — Бога ради! Только оговорюсь, была у меня секретарша. На работу нанимал — спрашивал, что делать умеешь. Ответает: "Что попросишь". Ну я ее и попросил выйти из кабинета. Мини, бикини, тампаки и прочие женские никсерсы "вне работы" и "кадровой политики" студии "Рать".

— Ты вообще-то всегда влипал в какие-то истории. То в тебя стреляли, месяц потом в бронежилете ходил, потом влился в кого-то, потом лезил от чего-то, кажется, от СПИДа, потом пить завязал. Истории-то твои продолжаются?

— Газетные комиксы переросли в эфирные байки, а похождения по кожным диспансерам с успехом заменяют откровения зрителей.

Ну, к примеру, повадилась мне одна дама на пейджер звонить. К примеру, приходит сообщение: "Дорогой, я в отеле, встретимся через два часа, пойдем в горки, потом погуляем и вернемся в отель. Я тебя очень люблю, но не хочу забеременеть — купи десять презервативов..."

Поражает — зачем так много? Если на сутки, то, во-первых, день в отеле дорого стоит, а, во-вторых, сама понимаешь...

... Жена еще не привыкла к таким хохмам. Ревнует.

— Нашел наконец идеал?

— Идеальных пар не существует. Просто в третий раз на грабли наступил. После двух неудачных браков приходится учитывать интересы слабого пола. Она выросла из фотомодели в модного дизайнера. Шьет верхнюю мужскую одежду. Во всяком случае в эфире я только в ее костюмах. Эксклюзив, понимаешь ли!

Кружавочки, манишечки, пуговки и рукавички, удавился бы, коли б она по выходным пирогов не пекла.

Ну, пекут-то ведь многие. Да и шьют тоже. Вот отношение к моим занятиям у нее весьма своеобразное. Иной раз сухари жуем, но мир в семье оттого, что они не с Гаваев и икрой не смазаны, не рушится.

— Ну, про сухари ты, конечно, загнул...

— Смотря что ими считать.

— Да, а раньше ты был ответным скандалистом, готовым "качать права" до последнего.

Андрей Прончик:

"...Я принадлежу секс-меньшинству..."

— Я — репортер. Поэтому я говорю с телеэкрана не по сценарию, "непричесанно", даже не из студии. "Московский Гомерикон" всегда на улице. Мы противопоставили монополию "народных новостей" жесткую, динамичную программу. Поэтому она идет не полчаса, не час и уж тем более не вместо "четвертого общеразвлекательного канала".

Мы не даем шанса зрителю уснуть под монотонное бульканье ведущего, считающего "умные мысли редактора" с телесуфлера.

Если уж новости "народные", то репортер должен всегда находиться в людском потоке. Пусть ветер задувает в микрофон, пусть есть шанс получить удар в спину от какого-нибудь воинствующего нигилиста, пусть долго приходится объяснять скучающему от сивушного похмелья менту, "какого лешего мы тут делаем". Зато все то, что мы показываем, и все то, о чем говорим, взято из реальной жизни. У нас каждое слово — аргумент. А у иных коллег — любой титр хочет, чтобы его считали автографом!

Если я снимаю тетку в инвалидной коляске, родившую двойняшек и только после этого призадумавшуюся, чем их кормить и во что одевать, то не приглашаю в студию федерального министра, в муках рождающего бюджет целой страны, а тут же, на глазах у зрителя хватаю за руку муниципального чиновника, и пря-

мо на месте сообща мы находим выход из, казалось бы, тупиковой ситуации.

У нас как ведь водится — трубу прорвало, мы — к мэру, а то и к президенту. Вот, дескать, приедет барин, он и рассудит. Если нужно, мы убеждаем работать ленивого начальника ЖЭКа, участкового, побуждая самих телезрителей думать не о том, где бы "отovarиться" пособием "по безработице", а о том, как кормить семью.

Коллеги-журналисты на все голоса кричат — власть недоступна. Ни один чиновник не хочет отвечать за ошибки. Дудки! У меня отвечают все и на все вопросы. Надо уметь спрашивать. Надо быть профессионалом. Не хохлю обвинять власть, а понять проблему, уметь слушать людей. И получается: в том, что в квартире бардак, виноват не мэр и президент, а мы сами. Квартира-то наша!

— Традиционно "о планах"?

— Весною картошку сажать. Ее специально привезли из Америки. Осенью — цыплят считать.

А вообще, как и герои наших репортажей, собираемся выживать. Мы на телевидении надолго и всерьез. Шутки в сторону.

С мая планирую выпускать ежедневную передачу в прямом эфире. В прямом или "кривом" — покажет время. Есть ряд любопытных предложений на этот счет, в том числе и от американских партнеров.

Английские коллеги предложили делать совместно кино. Будем делать. Есть ряд заказов и на музыкальные клипы. Думаю, если не будем забивать "под потолок" цену, то о новых именах в скором будущем узнают в России.

Ряд молодых исполнителей просят у нас поддержки. Цена одного музыкального клипа в традиционных студиях — до 25 тысяч долларов. Мы же резко снизим себестоимость.

Сейчас мой партнер, финансовый директор нашей студии Игорь Панарин как раз работает с молодыми именами.

Ну, а телепрограмма кардинально изменится. Начиная с оформления, кончая новыми идеями, темами, играми со зрителями и, конечно, байками от Прончика.

Непрост, ох непрост стал нынче коллега. Ходит с сотовым телефоном, ездит на "БМВ" и не приемлет спиртного.

Говорит умно, обще и огибает острые углы. Выживет или нет — прогнозов делать не буду.

Но ясно одно — на телевидении растут новые люди, едва не сказала — "новые русские", коим пальца в рот не клади, потому что еще вчера они были "новыми бедными". А сегодня подпирают плечами признанных авторитетов, вот-вот норовя скинуть их с пьедестала.

Да и есть ли он, этот пьедестал? Прончик не отрицает — все схвачено и за все уже давно уплачено.

А впрочем, это все же телевидение. Официальная политика которого — отрицать все!

Беседовала Светлана КУЗНЕЦОВА.
Фото М.КОВАЛЕВА.